<u>Задания заключительного этапа 15 Всероссийской олимпиады школьников по литературе</u>
<u>11 класс</u>
<u>1 тур</u>

<u>Комплексный анализ художественного текста</u>

П.С. Романов

У парома

Ночь была тихая. За рекой, над лугами, в туманной теплой мгле стоял над концами красный рог месяца и освещал всю окрестность неясным, призрачным светом.

Река под тенью высокого берега чернела внизу, и только изредка от плеснувшей рыбы тусклый луч ущербного месяца на секунду загорался в изгибе струи.

На низком известковом берегу под обрывом, около лежащей кверху дном лодки, горел огонек и темнели фигуры двух людей.

На воде у берега чернел паром, а около виднелся силуэт дуги и лошади.

-- Вон еще ктой-то едет, сейчас заодно двоих свезу,-- сказал паромщик, высокий парень в накинутой на плечи куртке.

Он встал, загородился от света костра и крикнул в темноту:

-- Эй, к парому, что ли, едешь?

-- К парому,-- отвечал из темноты голос, и послышался скрежет колес телеги, въехавшей с мягкой дороги на прибрежный каменный хрящ.

-- Картошку печете? -- сказал мужик в пиджаке и сапогах, спрыгнув на ходу с лошади. И замотал вожжи за угол передка.

-- Картошку. Выпить нет ли?

-- Выпить нету.

Приехавший оглянулся по сторонам, как бы не узнавая места и сказал:

-- А где ж тут часовенка-то стояла?

-- Сломал к черту,-- ответил перевозчик.-- Мужики часовню построили, а паром сделать не могли, за три версты ездили, пока я не обладил. Да брошу скоро, уйду отсюда. Это дело не по мне.

-- Отчаянная голова! Вот кто, можно сказать, бога не боится,-- проговорил вновь приехавший и подсел к огоньку.-- Смотри, Петруха, на том свете ответишь.

-- Э, терпеть этого не могу,-- сказал паромщик.-- И не то, чтобы фантазия, а из нутра, братец ты мой. Как что божественное, так у меня с души воротит. А сейчас оно мне вот где сидит...

Петр оглянулся в темноту, как бы боясь, чтобы не услышал тот, к кому имеет отношение разговор.

-- Ходит тут ко мне одна девка... Хорошая девка... и не то, чтобы для баловства, а замуж хочу ее взять. А она твердит свое: покамест в церковь не сведешь, ничего не получишь.

-- Посылай к черту... По нынешним временам это...

-- Сам знаю... Но вот поди, словно домовой обвел! На других глядеть не хочу, а эту, как увижу -- с бугра с оглядочкой от сарая идет,-- ну, прямо сил никаких нет. А насчет бога -- не могу. Можно сказать, вся округа знает, что я самый что ни на есть отчаянный, а я в церкву из-за бабы пойду!

Он выкатил палочкой из золы картошки, и все, замолчав, стали есть.

Вдруг на противоположном берегу что-то сорвалось и покатилось вниз по камням. Все, перестав есть, посмотрели в том направлении.

-- Камень, что ли, сорвался...

-- Камень...-- иронически проговорил приехавший раньше мужичок в полушубке.-- То не срывался, а то сразу сорвался. Без причины и камень не срывается. Все поигрывают...

-- А может, зверь какой,-- сказал Петр.

-- Сейчас, может, и зверь, я против этого ничего не говорю. А иной раз такие штуки бывают, что зверь тут ни при чем. Один раз со мной была штучка...

Мужичок поправил головешку в костре, подвинулся на руках в сторону от дыма и продолжал:

-- Ехал я из города, слез по дороге около шинка, там -- приятели. Тары да бары, хватился я -- уж ночь. Вот такая, как сейчас помню, месяц на ущербе, красноватый такой...

-- Это самое бедовое дело,-- отозвался мужик в пиджаке,-- потому темной ночи они не любят, в светлую выходить боятся, а вот когда такой свет, вроде как двоится, тут они и орудуют.

-- Да... сел это я в телегу, поехал. Гляжу -- откуда ни возьмись, жеребеночек с лугу бежит, статненький такой, ладненький. И прямо ко мне. Остановился и смотрит на меня, чудно так... Поймаю, думаю, его, отбился откуда-нибудь. Остановил лошадь. Только хочу его за гривку схватить, а он молчком шага на два отскочит и опять стоит.

-- Вот, вот, на этом они и ловят.

-- Да... чудно так отскакивает. Станет против месяца и опять на меня смотрит, глазами поблескивает.

-- Копыта бы у него посмотреть...

-- Конешно б, первое дело, копыта надо смотреть, а мне это невдомек, ну, и сюда хорошо залил. И вот, братец ты мой, все иду да иду за ним. Луг пустой, месяц светит, и мы с ним одни посередь луга. Так что ж ты думаешь!.. Под утро петухи закричали, я вроде как проснулся, гляжу -- жеребенка никакого нету, а сижу я около речки над самой кручью, ноги вниз свесил...

-- Под обрыв, сволочь, вел! -- воскликнул мужик в пиджаке.

-- Да... вот, братец ты мой, а ты говоришь -- ученые!.. До бога доперли, ниспровергли, говорят, наотделку, а на черте споткнулись: орудует по-

прежнему. Но надо правду сказать: как вот где железная дорога пройдет, там -- как отрежет -- нету. А вот лес этот, овраги да обрывы...

-- Бога никак не признаю,-- сказал Петр,-- а чертей окаянных вот до чего боюсь -- просто стыд берет... А уж когда-нибудь наука допрет, и до них допрет, разъяснит.

Он прислушался, потом встал и отошел в сторону от костра, вглядываясь в темноту по направлению к деревне. Потом вернулся к костру.

Река тихо струилась. Изредка плескала у противоположного берега крупная рыба. И чуть белела в тусклом свете монастырская стена вдали около соснового бора.

В костре, вспыхивая, горела одна толстая плаха, выкинутая на берег разливом, и лежали на золе ровным кружком отгоревшие концы хвороста.

Вдруг на этом берегу посыпались камни, точно кто-то шел и наступил на плохо державшийся камень.

-- Глянь, с двух сторон заходит,-- сказал мужичок в полушубке.-- Вот полюбился-то ты им. Я б тут ни одной ночи не просидел.

Петр, сначала пугливо оглянувшийся в сторону шума, приподнялся на коленях, прислушался, потом торопливо встал и сказал:

-- Ну, давайте перевезу.

Лошадей ввели по сходням, и паром отчалил.

-- Я сейчас...-- крикнул Петр кому-то на берег.

-- И как тебе не страшно сидеть тут? -- опять сказал мужичок в полушубке.

-- Нарочно себя приучаю; намедни как загогочет в лесу человеческим голосом, волосы на голове даже зашевелились.

-- Зашевелятся...

Лошади съехали на берег. Петр вернулся. Около костра, пугливо оглядываясь по сторонам в темноту, сидела худенькая девушка. Она накинула на голову платок и опустила его на глаза, чтобы ее нельзя было узнать. Что-то в ней было тонкое, хрупкое, не деревенское, а скорее монашеское или сектантское. И платок на ней был не красный, а черный, еще больше оттенявший белизну ее лица и тонкость профиля.

-- Уж я ждала, ждала -- под ракитой, а они все сидят,-- сказала девушка.

Петр хотел было подкинуть дров, но девушка испуганно оглянулась и замахала руками.

-- Голубчик, не надо, а то ну-ка кто увидит.

Петр сел около нее, потом вытянулся на траве и, положив ей голову на колени, лег лицом вверх.

Над собой он видел склонившееся лицо девушки, а за ним темное небо со слабо мерцающими звездами. Пахло речной водой и сырой от росы травой.

-- Так бы до самого рассвета и лежал...-- сказал он. Поднял руки, обнял за шею девушку и притянул ее голову ближе к себе. В полумраке костра

видел он над собой блестевшие девичьи глаза и, скорее чувствовал, чем видел, ее улыбку.

-- Эх, девка, девка, что ты со мной делаешь!.. Веришь ли, себя не узнаю. Стал бы я с другой так воловодиться!.. Плюнул бы да ушел. Они сами вон на шею вешаются. А ты, как кремень... А может, оттого и кремень, что не любишь?..

Девушка вздохнула.

-- Ох, и люблю -- и боюсь.

-- Чего боишься?

Девушка не ответила, только опять вздохнула и, держа его голову на своих коленях, откинулась назад.

То ли она хотела скрыть навернувшиеся слезы, то ли не хотела, чтобы он видел выражение ее лица, только она вздохнула еще раз глубоко и, точно содрогнувшись от сырости, сидела некоторое время неподвижно, глядя в неясную даль лугов, где узким красноватым серпом стоял еще месяц над копнами.

-- Ну, что я, разбойник, что ли, какой?.. Я и человека жалею и скотину, а что до этого, то нету у меня. И что ж я в церковь пойду,-- это против себя иттить. Сколько глаз вверх ни пяль, все равно там ничего не увидишь. Это ты около монашек натерлась...

-- Нет, у меня это смальства...

Девушка, как бы думая о своем, подняла глаза и долго молчала и глядела на небо, где в неподвижном ночном покое сияли и мерцали далекие миры. Оттуда медленно перевела взгляд на любимого человека. Несколько времени смотрела ему в глаза, как будто с тщетной надеждой искала в них чего-то, потом вздохнула и отвела взгляд.

-- Вот погляжу на тебя,-- сказал Петр,-- и все наши девки против тебя, как скотина несмысленная. Все ты понимаешь... а вот защелкнуло с одной стороны -- и никак. Чего бы я не дал, чтобы... Так взял бы и стряхнул с тебя это.

-- Об тебе вчерась целую ночь думала,-- сказала тихо, как бы про себя, девушка.-- Не буду я больше ходить к тебе...

Петр поднял голову с ее колен и сел рядом.

-- Что еще выдумала... Отчего не будешь? -- спросил он тревожно.

-- Грех... без бога живешь. И меня туда же тянешь.

-- Вот чертово затемнение мозгов-то! -- воскликнул Петр, хлопнув себя с досадой по колену.-- Да теперь почесть все так-то. Даже девки. И не то, что жить, как я с тобой хочу, а просто путаются с кем попало.

-- Ну и иди к ним. Что же ты ко мне-то льнешь да сюда все зовешь?

-- Слушай, дурешка ты моя милая! Неужто нам плохо? А?

-- Кабы плохо, не ходила бы...

-- Так что ж тебе далось это? Я с тобой жить хочу, а ты вон туда, в монастырь, смотришь.

-- А ты, знать, креста боишься? -- сказала девушка, пристально, остро посмотрев на него.

-- Я-то?.. Чего мне бояться. А противно,-- вот и все. Думаю так, а делать иначе буду. Эх, взял бы я тебя вот так... Никого кроме -- только с тобой и хочу жить...

Он положил голову девушки к себе на колени и, как бы укачивая, низко наклонившись, смотрел ей в лицо.

-- Значит, не хочешь,-- сказала девушка,-- кабы хотел, церкви бы не испугался.

-- Не хочешь... Да я б тебя...-- Он вдруг с силой сжал ее и сделал быстрое движение встать.

-- Не трожь...-- послышался голос девушки. Голос был спокойный, неторопливый, но в нем слышалась угроза и решимость.-- Потому и хожу к тебе, что верю, что нахальничать не будешь, а ежели тронешь, то, вот те крест, там буду...

И она показала рукой на реку.

Некоторое время оба молчали, Петр сидел, опершись ладонью о землю и повернувшись от девушки, смотрел в неясную даль лугов и нетерпеливо покусывал губы. Вдруг в реке бултыхнулось что-то огромное, точно прыгнул человек.

-- У, сволочи...-- сказал Петр, вздрогнув и посмотрев в ту сторону,-- разыгрались!..

-- Люди венчаются, а ему нельзя,-- проговорила девушка.-- Что ж ты?.. Может, черту душу продал, почем я знаю?.. Может, тебе на роду такое написано, что...-- Она не договорила.

Петр с досадой быстро повернулся к ней.

-- Вот как затемнение найдет, тут уж ничего не сделаешь! -- проговорил он, с раздражением глядя на девушку.-- Ведь не я один не хожу и не верю, теперь сколько народу так-то...

-- Другие только языком брешут, а как праздник, так прут на девок глазеть... А на тебе... ровно печать какая... боишься к дверям подойти.

-- Какая там к черту печать... Брехня бабья! Ты рассуди, я тебя с другого конца подведу: кто попа не принимает? -- Петруха. Кто над леригией смеется? -- Петруха. И вдруг этот самый Петруха, освободившийся от затемнения и народного суеверия, за девкой в церковь пошел, как теленок на веревочке.

-- А какое кому дело?..

-- Не кому какое дело, а мне.

Девушка ничего не ответила, закрыла лицо руками и, опустив голову, долго сидела в таком положении.

Петр называл ее ласковыми именами, качал за плечо, но она, не отнимая рук от лица, сидела, не изменяя позы.

Он бросил ее трогать и, глядя остановившимися глазами на потухающий костер, о чем-то напряженно, мучительно думал, кусая губы.

-- Раз нету ничего, что ж я пойду лбом бохать? Прямо чудно, ей-богу,-- проговорил он наконец.

-- А может, есть?

-- Ни черта нету. Коли есть, так покажи...

-- Не увидишь...

-- Что ж, у меня глаза, что ли, не такие?

-- Не такие... душа у тебя темная,-- сказала девушка, задумчиво глядя на звездное небо.

-- Ну, прямо хлыстовка из Алексеевской слободы! -- сказал Петр, с раздражением посмотрев на поднятый кверху тонкий профиль.

-- Всякий по-своему верит...-- ответила она уклончиво.

-- А вот мне не даешь небось по-своему верить.

-- Тебе верить не во что, кроме как...-- глухо отозвалась девушка, не договорив какого-то слова.

-- Эх, ушел бы я от вас, где настоящие люди живут! А то тут этот чертов монастырь да овраги, да леса, вот вы и...

Девушка сидела, не отвечая, потом проговорила, видимо, поглощенная какой-то своею мыслью:

-- Я еще на Пасху об тебе думала, когда со свечами стояли. А потом шла по деревне, везде в окнах светло, огоньки горят, и душа у меня вроде как светлая, светлая сделалась... А у тебя, гляжу, окна темные, пустые. И так нехорошо сразу мне стало.

-- Отчего ж тебе нехорошо стало?

-- Не знаю,-- сказала она, вздохнув. Потом вдруг взглянула на него, как бы решив прямо поставить какой-то мучительный для нее вопрос, и сейчас же, опять опустив глаза, спросила тихо, едва слышно:

-- А в черта... веришь?..

Видно было, как она задержала дыхание, ожидая ответа.

Петр молчал. Потом неохотно сказал:

-- Когда-нибудь конец придет и ему.

-- А сейчас, видно, не пришел?..-- отчужденно-зло спросила девушка.

-- Может, еще не пришел. Что знаю -- говорю, а чего не знаю, говорить не буду.

-- То-то, я слыхала...

-- Про что ты слыхала?

-- Про это самое... сам признался.

-- Да в чем признался-то, черт?!

-- В том... Ни во что не верить нельзя... Не в то, так в это.

-- Вот мозги-то защелкнуло!..

Петр, с раздражением отвернувшись от девушки, смотрел в сторону, а она, с лицом, на котором была боль и мука, сидела, опустив голову, и перебирала руками край платка.

Месяц еще ниже опустился над лугом, где длинной полосой стелилась туманная муть. С реки потянуло свежим холодком. Приближался ранний летний рассвет.

-- Ну...-- сказала девушка, вдруг смело и твердо подняв голову и посмотрев в упор на Петра,-- видно, так тому делу быть.

-- Уходишь?..

Она, встав с земли, отряхнула платье на коленях и, посмотрев несколько времени парню в глаза, сказала:

-- Ухожу... Теперь уж совсем.

-- Как совсем?.. Да ну, брось. Ай не жалко?

Девушка, не отвечая и с остановившимся дыханием, закусив до боли губы, смотрела на него, как смотрят, когда решается вопрос целой жизни.

Потом глухо, но твердо сказала:

-- Прощай...

Петр хотел ее обнять. Но девушка поспешно сделала шаг назад.

-- Что ж, уж и поцеловать не хочешь?

-- Это теперь ни к чему. Прощай...

И она пошла к темневшему высокому берегу, на котором виднелись разбросанные силуэты изб.

Петр остался стоять на месте, опустив голову и бездумно глядя на тлевший костер.

Фигура девушки в накинутом платке уходила все дальше и дальше, сливаясь с темнотой бугра. И вдруг у Петра дрогнуло сердце: она остановилась и повернулась к нему. Он весь насторожился и замер.

И одну секунду они стояли так, точно ожидая, что что-то сейчас сделается, и они бросятся друг к другу.

Но ни он, ни она не сделали ни шага. Девушка медленно повернулась и пошла дальше.

Петр стоял еще несколько времени и смотрел в ту сторону. Потом, скрипнув зубами, с силой бросил фуражку на траву, лег грудью на землю, разбросав ноги и уткнувшись лицом в сгиб локтя, и остался в таком положении.

На бугре, куда ушла девушка, скрипнули чуть слышно ворота, пропел где-то петух. И все затихло.

Месяц за рекой совсем опустился за полосу туманной мути, и звезды мигали уже бледнее и реже, как бывает перед рассветом.

1926